

КОГДА я договаривалась с Зиновием Ефимовичем о первой встрече (мы должны были встретиться на набережной Москвы-реки), он поразил меня фразой: «Вы сможете меня узнать?»

Неужели его можно не узнать — после «Золотого теленка», после изумительного чтения рассказов Вабеля по учебной программе телевидения! После Мефистофеля, о котором еще будут говорить и говорить (надо только дожидаться выхода второй и третьей серий «Фауста» — «Метаморфозы» и «Итог» — Михаил Козаков уже заканчивает их монтаж на телевидении).

Зиновий Гердт принадлежит к актерам, которых мы знаем и любим с детства. Правда, долгие годы он оставался невидимым за кукульной ширмой, но голос, его голос... Этим голосом говорил не только Конферансье в «Необыкновенном концерте», но и Жан Габен, Жерар Филипп, Витторио де Сика, Тото — Гердт дублировал лучших актеров мирового кино.

А сколько фильмов с его закадровым текстом! Да-да, Гердт не только читал, но и придумывал его, а если ему предлагали готовый, переписывал заново. Гердтовский текст и голос придают картине какой-то особый настрой, располагают к умному, доверительному и слегка ироничному общению. Между прочим, Зиновий Ефимович был одним из первых ведущих «Кинопанорамы».

— **ЧЕМ вас околдовал научно-популярный кинематограф?**

— Был момент, когда я решил бросить это дело: один за другим предлагали фильмы совершенно неинтересные, о каких-нибудь болтах с левой резьбой. Отказался совсем. Но однажды, когда я вместе с Центральным театром кукол был в Сочи на гастролях, ко мне прилетел из Норильска один неистовый человек — Юрий Янович Ледин. Попробую его описать. Михаил Светлов, очень остроумный и жутко тощий, о своей худобе говорил так: «У людей — телосложение, у меня — теловычитание». По светловской классификации, Юра — это дробь. Первая мысль, когда он появился в моем гостиничном номере, — успеть накормить. Лихорадочная, сбивчивая, очень заразная речь. Горящие, в поллица глаза. После нескольких минут знакомства ловлю себя на том, что мы с Юрой держимся за руки и собираемся по-сватить всю дальнейшую жизнь защите зверей и птиц.

Ледин — режиссер и оператор, человек беспощадный к себе. Каждый год он едет в экспедицию — снимать. Его группу «сплевывают» на какую-нибудь льдину. Полярный круг остается километрах в трехстах ниже. И там они валяются полгода, чтобы проследить жизнь какой-нибудь заполярной птички или зверя. Это святые, «сдвинутые», как сейчас говорят, люди. Я преклоняюсь перед ними, 21 год служу им, сочиняю тексты к их фильмам и читаю. И несмотря на мою огромную любовь к Юре должен признать, что сотрудничать с фанатиками непросто.

— **Но это все ваша «закадровая жизнь», Зиновий Ефимович, а как вы попали в кадр?**

— Можно сказать, по блату. Есть у меня друг с 38-го года — Михаил Швейцер. Миша знает меня со всех сторон, все мои привычки и привязанности. Зна-

ет, что я страсть как люблю ездить в Грузию и Одессу, привожу оттуда жизненные наблюдения, показываю друзьям маленькие сценки. В Грузию со мной происходили забавнейшие истории. Как-то я был там на съемках. Рано утром вышел из гостиницы и пошел на почту, дать телеграмму домой, что все в порядке. Иду по городу, люблюсь красивыми улицами. Народу совсем еще мало — рано. На перекрестке стоит милиционер. Я перехожу по всем правилам. Он свистит, подбывает меня таким жестом (показывает). — Откуда будешь? — А что я такого сделал? — Откуда будешь, спрашиваю! — Из Москвы. — Сразу видно, не местный: правильно переходишь улицу.

В Одессе тоже неплохо. Прошлым летом снимался там. Однажды стою без грима на улице, люблюсь спуском Жанны Лябурб. Подбегает ко мне рыжая, даже не рыжая, а огненно-красная девочка лет семи. Кричит: «Ой! Вы Гердт! Стойте здесь, нигде не уходите — я вас!». Стою. Жду. Такая сила прикрасительности в ее голосе, что уже невозможно сойти с места. Минут через десять примчалась, сует мне открыточку и, еле переводя ды-

ш, что я страсть как люблю ездить в Грузию и Одессу, привожу оттуда жизненные наблюдения, показываю друзьям маленькие сценки. В Грузию со мной происходили забавнейшие истории. Как-то я был там на съемках. Рано утром вышел из гостиницы и пошел на почту, дать телеграмму домой, что все в порядке. Иду по городу, люблюсь красивыми улицами. Народу совсем еще мало — рано. На перекрестке стоит милиционер. Я перехожу по всем правилам. Он свистит, подбывает меня таким жестом (показывает). — Откуда будешь? — А что я такого сделал? — Откуда будешь, спрашиваю! — Из Москвы. — Сразу видно, не местный: правильно переходишь улицу.

— **ЗИНОВИЙ Ефимович, сейчас столько молодых людей мечтают об актерском поприще. С чего начинается путь «в актеры»?**

— На эту стезю ведут две дороги. Где-то в 9-м классе у мальчиков и девочек возникает торжественное устремление на сцену. Ох, эти страшные, чудовищные прослушивания в три тура! Представьте: девочка-десятиклассница стоит перед уставшей, совершенно вымотанной комиссией и читает письмо Татьяны к Онегину. На третьей строке кто-то из членов комиссии равнодушно останавливает ее: «Спасибо, хватит». Я даже не представляю, как это перенести?

Есть второй путь, более спокойный и накатанный. Это когда мама или папа —

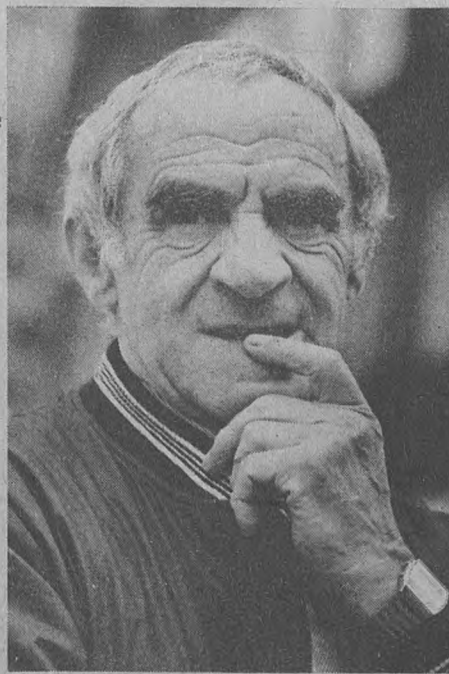
При больших заводах тогда существовали ТРАМЫ — театры рабочей молодежи. У нас висело объявление: «Приходи к нам в ТРАМ!». Я и пришел, прочитал стихотворение, и меня приняли. Было мне тогда 15 лет.

В этот ТРАМ в ту же пору пришли два взрослых дяди, по моим понятиям, буквально отживавших человека, лет 26—27. Один — режиссер Валя, бронеет необыкновенного темперамента. Голову держал гордо, вот так (показывая, Гердт, человек отнюдь не богатырского роста, вытнул на моих глазах чуть не на полметра и победно посмотрел на меня сверху). Он был ученик великого Мейерхольда, а Мейерхольд всегда держал голову именно так, и все его ученики тоже. Валя поразительно двигался, плясал чечетку не хуже американского негра. Страстно читал Маяковского. Теперь он уже не Валя, а народный артист Советского Союза Валентин Николаевич Плутчик, чечетку не пляшет, но голову держит по-прежнему.

Валя привел с собой Алешу, своего друга из Ленинграда. Алеша пробовал себя в драматургии, сочинил свою первую ли-

МЕТАМОРФОЗЫ

У нас в гостях Зиновий ГЕРДТ

знаменитые артисты. И дети туда же. Этот путь гораздо менее продуктивен, я знаю 3—4 ярких случая, а народу на нем топчется немало.

Что касается меня, все было иначе. Я рос не в актерской семье, и в отрочестве у меня никогда не возникало устремления на это поприще. Я учился в школе, в 5-м классе, когда к нам пришел учитель словесности Павел Афанасьевич — очаровательный человек, чудной, совершенно не от мира сего. Он не понимал, что ест, во что одет. О деньгах вообще не думал, да и какие деньги зарабатывали в те годы учителя (знаете частушку: «Полюбила педагога, денег нет — тетрадей много»? Народ может в две строки вложить социальную проблему!). Теперь я понимаю, что за человек был Павел Афанасьевич: он был тем, к чему мы стремимся. Он был духовен весь, без остатка. Ничто не пристегивало его к практической жизни. Им владела одна идея — вложить чувство художественности в души своих учеников. Он заразил меня вечной страстью к русским стихам, которых в моей памяти видимо-невидимо. Я дня, минуты не живу, чтобы во мне не крутились строчки.

Вообразите себе московскую жизнь начала 30-х годов. После семилетней школы я пошел учиться в ФЗУ. На слесаря. Наше училище было при замечательном заводе имени Куйбышева. Он первым выполнил первую пятилетку за два с половиной года. Работать и учиться на заводе Куйбышева было престижно, хотя слова такого не было — это отвратительное порождение нашего времени.

рическую комедию «Мечтания». Алеша совершенно не походил на Валу. Валя — дружинистый, энергичный. Алеша — мягкий, как... Представьте себе пашлык, из которого вынули шампур. Алеша носил бороду. Тогда это было редкостью, не то что сейчас. Алеша — вы, наверно, догадаетесь? — это недавно покинувший нас Алексей Николаевич Арбузов.

Потом Алеша сочинил еще две лирические комедии, и мы все это сыграли. Сыграли и Островского, и Вомарше... Но за это время я успел выучиться слесарному делу и пошел работать. Было уже не до игр, однако мы больше никогда не теряли друг друга из виду.

В 38-м вновь сошлись с Плутчиком и Арбузовым. Нас объединила дерзкая идея коллективно сочинить пьесу. Тема

самая актуальная — строительство Комсомольска-на-Амуре, наиболее громкое событие в стране. В физкультурном зале старинной московской школы (она до сих пор стоит напротив консерватории) мы, 46 человек, собрались по вечерам, после работы, и до глубокой ночи ставили свой спектакль. В конце 40-го был готов «Город на заре». Начальство посмотрело, ахнуло и сгоряча сделало нас Государственной студией. Мы бросили слесарное дело и стали профессиональными актерами. Нам дали клуб в Каретном переулке...

— **ПРЕКРАСНО** помню премьеру. Летняя предвоенная зима. Я видел очень много шумных театральных событий, у нас и не у нас. Но ничто не может сравниться по энтузиазму публики с той нашей премьерой! В первый вечер людской напор вышиб входные двери. Их приладили, но назавтра их вышибли еще основательнее — вместе с дверной коробкой. Никакие гардеробы не могли справиться. Люди швыряли пальто и шубы прямо на пол, в кучу. Дубленок не было, и жизнь была очень интересной. Такого счастливого содружества молодых людей, как у нас, на свете не существовало. Все планы и мечты рухнули в известный день июня...

А 28 июня мы уже стали фронтовым театром. Ребят освободили от службы в армии, однако 10 человек — 9 мужчин и одна женщина — пошли солдатами на фронт. Из них вернулись трое, в том числе и я.

Вместе с Гердтом на фронт ушли добровольцами Всеволод Вагрийский (сын поэта Эдуарда Вагрицкого), Кирилл Арбузов, Исая Кузнецов. Гердт воевал с июля 41-го до февраля 43-го, когда его тяжело ранило. Он был сапером, дослужился до гвардии старшего лейтенанта. Никому не говорил, что актер.

Когда умирал в Белгороде от общего заражения крови, его положили в отдельную палату, отгороженную от общей стеклянными перегородками. В этот стеклянный пенальчик к нему зашел доктор и говорит: «У нас в госпитале из Бахтанговского театра артисты. Хотите, они выступят специально для вас?».

Гердт пылал в жару, температура больше сорока, состояние ужасное, но от выступления не отказался. Доктор привел Ларису Пашкову и Александра Граве, актеров, хорошо знакомых Гердту по Москве. Они его не узнали, спрашивают, что почитать. Он попросил отрывок из Гомера, который всегда читали на занятиях по сценической речи — он служил упреждающим для дыхания. По Гомеру его и узнали, Пашкова с криком бросилась ему на шею, а сам он потерял сознание...

Выйти на сцену он считал уже невозможным, но ширма, скрывающая актера-кукульника, вселяла в него надежду. Мысль о кукульном театре осенила его еще в госпитале. В 45-м, на костылях, он пришел к Сергею Владимировичу Образцову, выдержал «экзамен с пристрастием» перед художественным театром и был «принят в стаю» (тогда ставили «Маугли»). 36 лет проработал Гердт в ГАЦК. Куклы «показали» ему всю Европу, Азию, Африку. Тысячи раз сыграл он Конферансье из «Необыкновенного концерта», и каждый раз на языке той страны, где выступал.

— **ЗИНОВИЙ Ефимович, я понимаю, что выучились все 26 языков, на которых вы обращались к зрителям, невозможно. Ваш опыт «мгновенного погружения в язык», наверное, может оказаться полезным, особенно при подготовке к экзамену. Не раскройте ли секрет?**

— Меня забрасывали за 3 дня до начала гастролей. 3 дня и 3 ночи я зубрил фразы. Мне кажется, что за 5 дней я бы мог выучить язык по-настоящему, а за 3 — только свой текст. Представьте себе 19 страниц японского текста, написанного русскими буквами. И все надо выучить наизусть. Произношение меня не особенно тревожило, оно прощается. После выступления японцы приходили ко мне за кулисы, чтобы запросто поболтать со мной: они думали, что я свободно владею японским. Они подходили по одному, улыбались и кланялись, и все время что-то мне говорили. У меня не было другого выхода, как считать все комплиментами в мой адрес и отвечать «аригато» — по-японски «спасибо». Но потом я узнал, что японцы всегда улыбаются, что бы они ни говорили. Так что, может, я зря твердил свое «аригато».

— **Почему спектакль стал «Необыкновенным концертом», ведь сначала он назывался «Обыкновенный концерт»?**

— Да, в 45—47-м он был еще «Обыкновенный», но вскоре выяснилось, что мы «порочим светлый образ советского человека, поскольку в спектакле нет ни одного положительного персонажа». Сергей Владимирович нашелся: он выходил перед спектаклем на сцену, рассказывал о прекрасной советской вокальной школе, называл имена прославленных певцов того времени и говорил, что кое-где иногда можно встретить... А потом ему надоело каждый раз выходить, и он доверил это мне.

В СЕ, кто знаком с Зиновием Ефимовичем лично, знают, что он очень остроумный собеседник. Действительно, он легко находит общий язык с разными людьми, в маленькой компании и выступая перед большой аудиторией. Недаром его друг еще с 30-х годов Давид Самойлов приглашает Гердта на свои встречи с читателями. Недавно на одном из таких творческих вечеров (он проходил в ЦА) Самойлов попросил Гердта принимать записки и читать их вслух. Развернув записку, Зиновий Ефимович иногда не мог удержаться и отвечал на вопрос сам. Его ответы были стремительными и вызывали волну смеха. Когда зал успокаивался, на вопрос отвечал Самойлов — еще раз и совершенно по-другому. Один мне запомнился особенно: «Почему в конце тридцатых — начале сороковых собралась такая прекрасная поэтическая компания: Павел Коган, Михаил Куликовский, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий, Давид Самойлов?» Гердт ответил молниеносно: «Надо вовремя рождаться!»

Сказал о них — о гордости советской поэзии. Но и сам он «вовремя родился», ведь его биография повторила биографию его поколения. Его судьба так много вместила в себя, что этого жизненного опыта хватает на десятки ролей и даже... на мечту любого актера — бессмертный образ Мефистофеля. Итак, следите за телевизионной программой!

Беседу вела
Светлана НОВИКОВА.